

НИКОЛАИ ПАРФЕНОВ

ПОЛЕ
НЕСБЫВШИХСЯ
НАДЕЖД

Н. М. Парфенов

**Поле несбывшихся надежд,
или
Сельское хозяйство
Лысьвы в XX веке**

Издательский дом
Лысьва, 2023

ББК 63.2(2)

П 18

Парфенов Н. М.

П 18 Поле несбывшихся надежд, или Сельское хозяйство Лысьвы в XX веке / Н. М. Парфенов. – Лысьва : Издательский дом, 2023. – 292 с.

Очерковый экскурс в историю сельского хозяйства 20-го века Лысьвенского района Пермского края является основополагающей темой данной книги. На основании архивных документов, газетных материалов, краеведческих исследований, воспоминаний очевидцев автор строит рассказ о годах колхозного строительства, структуре сельского хозяйства, сложившейся в годы советской власти, ее эффективности, жизни колхозников, роли городской партийной организации, обещавшей крестьянам в далеких 20-х годах зажиточную жизнь, о крахе колхозной идеи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: на учителей, студентов, школьников, краеведов, ветеранов труда и всех тех, кто дорожит исторической памятью о своих предках.

И пришла война...

Указ ВС СССР от 22 июня 1941 года «О мобилизации военнообязанных с 1905 по 1918 г. рождения» разлетелся по сельсоветам за один день. Мобилизация, как предписывал Указ, началась 23 июня и с каждым днем набирала обороты. Определить точное количество призванных в армию крестьян не представляется возможным. Имеющиеся статистические данные дают обобщенную информацию в целом по Лысьвенскому району и то в графе «выбывшие». Расшифровка «куда и когда» отсутствует.

По обобщенным данным по городу и сельсоветам, почерпнутым в материалах Лысьвенского городского архива, можно составить картину движения населения в годы войны:

Годы	Выбыло человек	Кол-во родившихся	Кол-во ¹ умерших	Примечания
1941	5695	1409	857	с июня по декабрь
1942	5274	1303	2170	
1943	3892	613	1720	
1944	4241	555	1792	
1945	1050	200	315	с января по май

Основной контингент мобилизованных состоял из сельских жителей, т.к. суматошная мобилизация заводских рабочих в первые месяцы войны привела к кадровым проблемам в цехах, занимавшихся выполнением военных заказов. Из годовых отчетов колхозов следует вывод, что в годы войны количество взрослого мужского населения по сравнению с женским населением деревень сократилось от 3 до 5 и более раз. Это подтверждают данные, взятые из материалов Аитковского сельсовета, в котором проживало около 1300 человек. В годы войны в армию были призваны 263 человека. Из них более 160 человек погибли.

Особенно больно война ударила по численности мужского населения малых и средних деревень. В деревне Челпан в 1938 году числились 2 единоличных хозяйства. 21 сентября 1941 г. в армию из нее мобилизовали А. А. Штейникова, а 22 апреля 1942 года И. А. Штейникова. В деревне Талая на 1 января 1941 года числились 23 домовладения. В 1941–1942 годах в армию были мобилизованы 8 мужчин, из которых Н. И. Пасынкову и Н. П. Литвину едва исполнилось по 18 лет. Из оставшихся семей в 10 не было мужчин, детей воспитывали женщины, в 3-х семьях мужчины были инвалидами. Из дома отдыха «Сокол» в армию призваны 2 человека. Из деревни

¹Особенно велика смертность была в весенне-летние месяцы 1942 года: март – 215, май – 200, июнь – 214, июль – 193, август – 200 чел.; и 1944 года: март – 257, апрель – 268, июнь – 286, июль – 158, август – 171 чел.

Нахратово из 16 мужчин только в 1941–1942 годах призвано в армию 7 человек. В книге, описывающей домовладения Нахратово за 1940–1942 годы, значится Иванов Евгений Нилович, призванный в РККА 8 октября 1941 года, будущий Герой Советского Союза. Из деревни Куропашка в РККА мобилизовано 6 человек. Из д. Колупаиха в 1941 г. мобилизовано 6 человек, из Среднего Бурсяка – 6 человек, Нижнего Бурсяка – 9 человек. Из деревни Первая Липовая только в 1941 году на фронт ушли 13 мужчин, из деревни Вторая Липовая в 1941–1942 годах мобилизованы 17 мужчин и т.д.

Призыв мужчин в армию, мобилизация подростков в ремесленные училища, остального взрослого населения на работу в промышленность и лесозаготовки, миграция эвакуированных жителей из западных районов страны затруднили прогнозирование потребностей фронта и промышленности как в кадровом обеспечении, так и в бесперебойном снабжении продовольствием. Потребовалось жестко перестраивать государственный учет каждого человека и каждого пуда зерна. В этой связи 21 ноября 1942 года ЦСУ госплана СССР издало приказ № 469, который устанавливал отчетность о возрастном и половом составе сельского населения по заданной форме не позднее 25 января 1943 года. В похозяйственные книги и отчеты вносились колхозники, рабочие, служащие, кустари коопераций, единоличники, воспитанники детских домов, интернатов и т.д. В числе временно проживающих на территории сельсоветов должно быть охвачено эвакуированное население, но без указания пола и возраста. Как подчеркивал приказ, сведения должны быть *«исчерпывающими»*.

3 июля 1941 года в Лысьву прибыл первый эшелон эвакуированных граждан из Литвы и Белоруссии в количестве 366 человек. Несколькими днями позднее в город стали прибывать санитарные поезда с ранеными солдатами. Большое количество эвакуированных, беженцев, заключенных негде было расселять, так как в городе и без того остро стояла жилищная проблема. На городских окраинах и в близлежащих от города деревнях Заимка, Дуброво, Еверзики, Садики, Липовая стали срочно строить жилье. Спешно собирали строительные бригады из невоеннообязанных, стариков и пенсионеров. Для эва-

куированных граждан, направленных на работу в заводе, возводили жилые бараки; для нужд колхозов строили нилища, зерносклады, для детей – детские сады и школы.

Изменения количественной, гендерной и возрастной структуры деревенского населения можно проследить на примере колхоза им. «1-го Мая» Крутоложского сельсовета.

Количество дворов и населения	В 1941 году	В 1944 году
Дворов	74	40
Население	334 чел	131
Взрослые, в т.ч.:	84 чел.	60 чел.
Мужчины	21 чел	10 чел.
Женщины	63 чел.	50 чел.
Подростки от 12 до 16 лет	Около 40 чел.	11 чел.

Таким образом, за годы войны в колхозе сократились все группы трудоспособного населения: 53% мужчин ушли в армию, 21% женщин мобилизованы в трудармию, 73% подростков направлены в ремесленное училище и школы ФЗО. Первыми на фронт уходили мужчины-механизаторы: трактористы, комбайнеры, рабочие МТС.

Просчитывая перспективу кадрового резерва для РККА и потребности для промышленных объектов, статисты вели отдельный учет женского населения призывного возраста. В соответствующей графе подомовых книг против женских фамилий призывного возраста ставилась запись «рядовая». В мыльниковском колхозе «Красный Октябрь» таких «рядовых» женщин 1907–1924 годов рождения в списки было занесено 30 человек. В 1941 и 1942 годах сельских учительниц, библиотекарей и других селянок, имеющих образование, мобилизовали на работу в госпитали. Часть из них сразу приступала к работе в должности санитарок, часть направилась на курсы в лысьвенскую школу медсестер. Получив профессию медсестер, девушки направлялись в тыловые госпитали или на фронт.

Особую роль в жизни деревни военных лет сыграли девушки-трактористки. По статистическим данным, в армию мобилизовали примерно 80% тракторов, находящихся на балансе

МТС. Все, что осталось, представляло собой рухлядь, за ненужностью брошенную еще до войны, но по разным причинам не списанную. С невероятными усилиями трактора восстанавливали. Специальные комсомольские звенья обходили лесоучастки, колхозы, где когда-то работали трактора, а также дома ушедших на фронт трактористов в поисках запасных частей.

В уборочную страду осени 1941 года на тракторах и комбайнах некому было работать. Призыв к женщинам и девушкам – колхозницам сесть на трактора и комбайны не возымел действия. На весь район только шесть девушек: А. Якушева, М. Ведерникова, А. Еремеева, Н. Корнилова, М. Важесова и Н. Дзякова – решили освоить профессию механизатора. Только трое из них закончили курсы трактористов при МТС.

Работа механизаторов и шоферов на довоенной технике была невероятно тяжелой. По этой причине она не пользовалась спросом среди женского населения деревень. Молодые колхозницы проигнорировали обучение на краткосрочных курсах шоферов, открытых в городе в первых числах июля месяца. Точно также они не откликнулись на призыв поступать на 3-х месячные курсы трактористов, открытых в деревне Паинцы. По плану 1 декабря на курсы должны записаться 47 человек для работы на колесных тракторах, 6 на газогенераторных тракторах, 10 на комбайнах. Отдельная подготовка предполагалась для 9 будущих бригадиров. Однако на 18 декабря на курсах числилось всего 24 человека. В основном это были жители Паинцев и окрестных деревень. Отчаявшись набрать штат курсантов, руководство МТС предложило школьникам старших классов начать осваивать профессию механизаторов как подготовку к будущей работе в колхозах.

Председателям сельсоветов и колхозов приходилось прилагать огромные усилия, чтобы уговорить девушек поступать на курсы механизаторов. Те из них, кто все же сел на трактор, воспринимали работу на них как наказание. Невыносимо трудно было 16–17-летним девчонкам ремонтировать технику на морозе. При заводке промерзшего двигателя требовалось прилагать силу и сноровку, потому что заводное устройство часто проворачивалось в обратную сторону и ломало руки. Н. М. Антипина вспоминала: *«В 1941 году началась война.*

Меня направили на курсы трактористов в Бабеныши за Лысьвой, потом в Зюкайку. Всю войну работала трактористкой. Очень тяжело на тракторе девушке. Запчасти возили из Лысьвы на санках, на себе. Лошадей было мало, забрали на войну. Ездили до Крутого Лога на поезде, иногда до Кормовища, а там, как придется. Сестра моя тоже работала на тракторе «Березка». Он так назывался потому, что у него была круглая печка, куда кидали заготовленные березовые чурочки. Они горели и от дыма трактор работал... Мучились, а не работали. У меня был колесный, ремонтировали зимой, мерзли. Трактор часто ломался. Сил не было. Решила уйти с трактора. За это судили. Присудили платить четверть зарплаты и снова посадили на трактор».

Полностью из женщин и девушек деревень Воскресенцы, Власово и Моховляне Е. Брезгиной, В. Брезгиной, С. Зерниной, А. Шаравиной, Н. Шаравиной, А. Крючевой, О. Крючевой состояла бригада механизаторов крутоложского куста. В татарских деревнях первыми трактористками стали Саня Хусаинова, Сахиба Нариманова, Нурзиян Нигматуллина и Назмухана Низаметдинова.

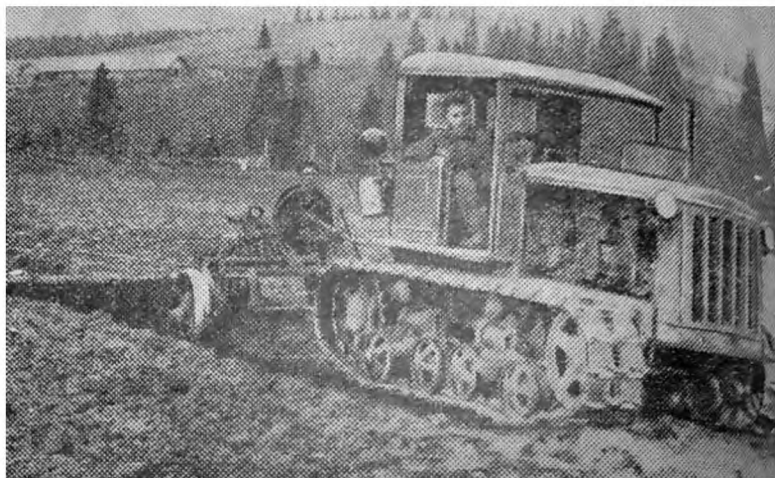
Несмотря на невероятно тяжелые условия работы, А. П. Ижикова с гордостью вспоминала: *«Все поля успевали обрабатывать. Железо ломалось, а бабы стояли».*

Лысьвенские краеведы по крохам собирают материал о девчонках-трактористках военных лет. Как оказалось, они обрабатывали не только родные поля. Л. Красильникова писала о юной трактористке И. Решетниковой из Паинцевского колхоза «12 лет Октября»: *«В 1944 году Ирину Андреевну отправили в Ленинградскую область. Там она пахала поля и во время работы наехала на фашистскую противотанковую мину. Взрывной волной ее выбросило на землю, а трактор раскидало по частям в разные стороны. Чудом женщина осталась жива».*

На фронт мобилизовались не только люди и техника, но и «фондовые лошади». На приемных пунктах перед отправкой в армию представители РККА строго спрашивали с колхозников за умение лошадей ходить в упряжи, под седлом, слушать команды и т.д. Естественно, требовалось, чтобы животные были сильными и здоровыми.

В крестьянских хозяйствах лошади всегда были в особой цене. Еще до начала войны из многотысячного конского поголовья формировались специальные группы животных, не подлежащих использованию для хозяйственных работ. В каждом колхозе было несколько «фондовых» лошадей. В любой момент их могли мобилизовать в армию. В деревне Елоха Крутоложского колхоза им. «1-го Мая» существовала специальная конеферма, на которой содержали верховых лошадей рысистой породы. Такие же фермы имели колхозы «Заря» Лязгинского сельсовета, «Колос» Новорождественского сельсовета, имени Сталина Кыновского сельсовета, «Новая жизнь» и другие. За лошадьми тщательно ухаживали, чистили, кормили специальные люди, а деревенские мальчишки с удовольствием гоняли на конях в ночное. В установленный срок лошадей перегоняли на станции в Кормовище, Лысьву, Тулумбасы, Кын и по железной дороге отправляли на фронт. Т. Ф. Санникова вспоминала: *«Собрали в колхозах коней на фронт – грузили их в вагоны на станции Тулумбасы. Один жеребец никак не хотел заходить в вагон. Отец храбрый был, взялся за узду и повел его по сходням, жеребец встал на дыбы, отец упал и оказался под копытами. Еле живого домой привели. Вскоре он и умер, оставив четверых детей»*. На освободившееся в денниках место привозили новых ослабленных и раненых животных, которых, по оценке военных ветеринаров, можно было подлечить, подкормить и снова отправить на фронт. За годы войны только колхоз «Заря» отправил на фронт более 50 верховых лошадей.

21 августа 1943 года в колхозе им. Орджоникидзе 1-го Ломовского сельсовета вышла из строя лошадь по кличке Находка. Беда заключалась в том, что она числилась в фонде РККА и должна быть готовой в любой момент отбыть в распоряжение военкомата. По известным причинам эксплуатировалось «фондовое» животное наравне с другими колхозными лошадьми. Как результат – «Находка» заболела. 28 августа по райземотделу вышел приказ, в котором говорилось: *«На бригадира Полежаева А. А. наложить штраф в размере 2-х трудодней за каждый день простоя лошади до ее полного выздоровления. На председателя колхоза Подобина*

Вспашка овощного поля в колхозе «Авангард»

наложить штраф 100 руб. в госбюджет за отсутствие контроля за использованием фондовых лошадей».

Председателя колхоза «Новая жизнь» П. Брезгина обвинили во вредительстве и осудили на пять лет лагерей за то, что по согласованию с правлением он использовал на общехозяйственных работах «фондовых» лошадей.

В результате мобилизации в армию рабочих лошадей в деревнях осталось мало. Оставшиеся использовались в работе с максимальной нагрузкой. Животные практически не знали отдыха, их недокармливали, они часто болели. В 1943 году широко распространилось такое заболевание лошадей, как чесотка. Для борьбы с болезнью райземотдел, контролировавший работу колхозов, вынужден был мобилизовать ветфельдшеров из городской ветстанции, завода № 700, сельских ветпунктов и направлять их по деревням района. На месте уполномоченные отслеживали степень зараженности животных и пытались организовать их лечение. Результаты такого контроля были весьма неэффективны, поскольку для медикаментозного лечения не было препаратов (кроме дуста), организовать качественный уход за жи-

вотными не хватало людей да и заменить поставленных на отдых животных было нечем.

Нередко лошади погибали прямо в упряжи во время работы. По поводу каждого павшего животного из города приезжал представитель, который исследовал причины происшествия, осматривал погибшее животное, составлял акт, который заканчивался списанием лошади и наказанием человека, ответственного за её содержание.

Покойный Новорождественский учитель и краевед А. И. Окунев записал воспоминания Ф. И. Тетюева, который рассказывал: *«Частенько приходилось выезжать в поле, чтобы привести обессилевшую лошадь, на которой бабы сено к ферме подвозили. Привезем ее, бедную, на ферму, подвесим на веревках, чтобы не падала, немного откормим и снова в работу... С 13 лет я стал хлеб в Кунгур возить. Обрато керосин везли для тракторов. Лошади падали, а иногда и умирали в дороге. Их тоже надо было домой везти для отчета».*

От непосильной работы и бескормицы лошади погибали. Использовать для еды мясо павших лошадей запрещалось. Животных закапывали в землю под присмотром городских контролеров, но по ночам туши извлекались из земли, и мясо уходило в пищу колхозников.

Мобилизация людей, техники, лошадей носила постоянный характер, но главной задачей колхозов и совхозов было снабжение армии и тыла продовольствием.

Всё для фронта

Административно-территориальные изменения, начатые в октябре 1938 года, продолжились и впоследствии. 13 октября 1940 года Лысьвенский район разделился на два административных образования: горсовет и райсовет. В юрисдикцию района отошла вся сельская зона с 15 сельсоветами, 34 колхозами, 2 совхозами, 1 МТС, 7 леспромхозами. Соответственно появились городской и районный комитеты партии, горисполком и райисполком, а также город-

ской и районный комитеты комсомола. Все районные органы управления оставались в городе.

Таким образом, сельскохозяйственная зона Лысьвенского района в годы войны выглядела следующим образом:

Наименование сельсовета	Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Больше-Лысьвенский	1) Большая Лысьва	«Заря»	
Паинский	2) Паинцы	Им. «12 лет Октября»	
Паинский	3) Кутамыш	Им. «8-е Марта»	
Паинский	4) Белая	«Новая деревня»	
Соинский	5) Соя	«Путь Ленина»	
Соинский	6) Олени	Им. Молотова	
Поселковский	7) Мыльниковка	«Красный Октябрь»	
Ново-Рождественский	8) Ново-Рождественское	«Колос»	
Ново-Рождественский	9) Валюшино	Им. Сталина	
Матвеевский	10) Матвеево	Им. «17-го партсъезда»	
Матвеевский	11) Сергино	Им. Чапаева	
Матвеевский	12) Каменка	Им. «19-я годовщина Октября»	
Саинский	13) Сая	«Новый путь»	
Саинский	14) Нижние Исады	Им. Кирова	

Наименование сельсовета	15) Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Саинский	16) Уткино	Им. Калинина	
Крутоложский	17) Крутой Лог	Им. «1-е Мая»	В 1930 г. Крутой Лог, Елоха, Утробино, Бобровка, Паленый Лог, Петрово
Крутоложский	18) Большой Кумыш	Им. Горького	
Власовский	19) Власово	«Новина»	В 1930 г. Воскресенцы, Катаево, Власово, Аняново. В 1952 г. объединение «1 мая» + «Новина» = «Новина»; в 1959 г. «Победа» + «Новина» = «Дружба»; в 1965 г. «Дружба» переименована в «Новину». В 1981 г. влились деревни Моховляны, Северная, Небучевка, Воскресенцы, Крутой Лог.
Власовский	20) Северная	«Победа»	В 1930 г. Северная, Гуляевка, Старково, Афимовка (Филиповка). В 1952 г. объединение «Победа» + «Новая жизнь» = «Победа»; д. Верхняя и Нижняя Залесная отошли в к/з «Победа»
Залеснинский	Моховляна	«Новая жизнь»	В 1930 г. Маракулино, Моховляны, Небучевка, Марковцы, Новоселы, Демидовцы, Паршаково.

Наименование сельсовета	Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Залеснинский	21) Залесная	«Труд крестьянина»	В 1930. Верхняя Залесная, Нижняя Залесная, Сухоречье, Тимино. В 1952 г. «Труд крестьянина» + «Сталина» отошли в Березовский р-н. – ныне Шалинский р-н.
Кыновской	22) 3-д Кын	Им. Сталина	
Бизевский	23) Рябиново	«Рябиново»	
Бизевский	24) Мягкий Кын	«Восход»	
2-й Ломовской	25) Петровичи	Им. Кагановича	
2-й Ломовской	26) Большой Лом	Им. Сталина	
1-й Ломовской	27) Ломовка	Им. Орджоникидзе	
Кыновской	28) Усть-Серебряная	«Ударник»	
Кыновской	29) Мишариха	Им. Пушкина	
Лязгинский	30) Лязгино	Им. Ворошилова	
Поселковый	31) Заимка	с/х «Заря»	С 1942 г. в составе ОРСа ЛМЗ
Поселковый	32) Липовая	с/х «Липовая»	С 1942 г. в составе ОРСа ЛМЗ
Бизевский	33) Бизь	«Большевик»	
Саинский	34) Березовая Гора	«Восток»	
Лязгинский	35) Выломово	«Луч»	
Ново-Рождественский	36) Чебота	«Красная звезда»	

Районное совещание сельскохозяйственных работников, состоявшееся 3 декабря 1940 года, определило предстоящий хозяйственный год как год борьбы за высокий урожай зерновых. Слагающими успеха должны стать продуманная организация труда, широко развитое социалистическое соревнование и повсеместное стахановское движение. Совещание утвердило общерайонный план производства зерновых не менее 100 пудов с 1 га, овощей – 150 ц., картофеля – 100 ц., семян клевера – 2,5 ц., теплично-парниковой продукции – 12 кг, тепличной продукции – 30 кг с кв. м и т.д.

Свои коррективы в районный план внес областной Совет, определивший план урожайности по лысьвенским колхозам на 1941 год: по зерновым культурам – рожь озимая – 14,0 ц; пшеница озимая – 11,0 ц, яровая – 12,0 ц; ячмень – 13,0 ц; овес – 13,0 ц; бобовые зерновые – 8,0 ц с 1 га. Так же подробно областной Совет расписал урожайность по техническим и кормовым культурам, овощам. Определялось задание по продуктивности животноводства: удой на 1 фуражную корову – 1300 л., вырастить 130 ягнят на 100 овцематок, 12 поросят на свиноматку и т.д.

Посевная кампания 1941 года прошла своим порядком. К 1 июня сев закончили колхозы «Ударник», им. Сталина (Кын) и «Заря». Совхоз «Заимский» засеял 74,5%, колхоз «Рябиновский» – 71,5%. В целом по району 5 июня об окончании посевных работ отчитались 65% колхозов, к 10 июня 92,7%, а 15 июня сев зерновых в районе закончился.

В суতোлке первых военных недель 5 июля газета «Искра» опубликовала Указ ВС СССР от 3 июля 1941 года «Об установлении на военное время временной надбавки к сельхозналогу и подоходному налогу с населения». Указ касался не только колхозников, но и железнодорожных рабочих, проживавших на территории сельсоветов, учителей, фельдшеров и др. Новое обременение было вторым после мартовского (1941 г.) Закона о подоходном налоге с колхозов, который начислялся с доходов сельхозартелей за предшествующий хозяйственный год. В ноябре месяце вышел Указ ВС СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». С одиноких колхозников сумма налога взималась в

*Бригада шефов из лудильного цеха ЛМЗ
на строительстве овощехранилища в колхозе «Заря»*

размере 100 руб. в год. В качестве источника финансовых ресурсов на разгром немецко-фашистских захватчиков 29 декабря 1941 года ВС СССР принял Указ «О военном налоге».

В зависимости от величины заработной платы граждане должны были платить от 10 до 225 руб. в год.

Свою долю финансовой мзды взыскивали с населения и местные органы власти. 30 декабря 1941 года райсовет принял решение «О проведении сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в Лысьвенском районе в 1942 году». В зависимости от величины доходов сбор составлял от 10 до 40 руб. с одного колхозника. Единоличники платили в два раза больше. Райисполком постановил провести кампанию в предельно сжатые сроки и рекомендовал организовывать коллективную плату группами, бригадами, объединениями домохозяек по 15–20 человек. Райисполкомовские агитаторы не скрывали, что собранные средства пойдут на оборону: *«Каждый рубль – это снаряд по врагу»*.

С довоенных времен в деревнях существовало так называемое «самообложение», которое рассматривалось не как налог, а как добровольный платеж крестьян на развитие села. С каждого двора членов артели взималось не более 20 руб., единоличники платили от 40 до 75 руб. в год.

Требования к колхозам и колхозникам ужесточались с каждым днем. Последовало распоряжение приступить к досрочной поставке мяса и зерна. Уже к 6 июля годовые мясоставки выполнили колхозы «Заря», «Новый путь», им. Кирова. Колхоз «Заря» отправил на ссыпной пункт «красный обоз» из 10 подвод и сдал из запасов 1940 года 7 т зерна в счет урожая 1941 года. 29 июля 12 колхозов выполнили плановые задания года по сдаче шерсти. 21 ноября колхоз «Заря» отправил сверх плановых заданий 60 кг мяса, 100 кг картофеля, 70 кг капусты, 100 кг гороха и масло в лысьвенские госпитали.

Осознавая трудности военного времени, сельчане добровольно делились собственными запасами продовольствия с наспех созданным фондом обороны. Колхозники из колхоза «12 лет Октября» сдали из личных запасов 15 ц пшеницы и 3 ц мяса, им. «17-го партсъезда» – 5 ц мяса, им. Ворошилова решили ежемесячно до конца войны перечислять по 2 трудодня, «1-го Мая» – 25 кг меда и 10 овчин и т.д.

В течение всех военных лет шел сбор вещей для солдат на передовой.

Члены артели «Большевик» сдали в фонд обороны 11 пар валенок, «Труд крестьянина» – 10, а «Новая жизнь» – 8 овчин. К декабрю 1941 года удалось собрать 8090 теплых вещей, к Новому году отправлено 178 коллективных и 1325 индивидуальных поздравлений. В 1942 году Пермская область отправила воинам Северо-Западного фронта 45 вагонов товаров и продовольствия, в числе которых был немалый вклад жителей Лысьвы и Лысьвенского района. В октябре 1943 года собрано и отправлено на фронт 1171 теплых вещей и белья. В индивидуальные посылки женщины и девушки укладывали белую ткань для подворотничков, кисеты, сердечные письма и пожелания скорой победы.

В полную силу работали заготовительные организации. Итоги работы к концу 1941 года превзошли все ожидания. Удалось заготовить мяса 150% к плану, мехового сырья – 183%, шерсти – 223%, сушеной малины – 392% (784 кг), воска – 280%, шиповника – 280%, грибов – 22 т., кроличьего пуха вместо 1 кг – 13,3 кг и т.д.

Сев ржи в колхозе «Колос»

Под предлогом борьбы со спекулянтами и перекупщиками горисполком принял решение о продаже колхозниками сельхозпродукции со своих подворий только в специальных ларьках колхозного рынка. Продажа в других местах запрещалась под страхом привлечения к уголовной ответственности.

Для борьбы с антисанитарией и распространением различных болезней исполком принял постановление «О порядке забоя скота в городе Лысьве». Отныне забой скота разрешался только в забойном пункте мясокомбината. За разделку коровы бралась плата – 6 руб., свиньи – 1 руб., мелкого животного – 75 коп. Граждане, нарушившие постановление, подвергались штрафу 100 руб. или одному месяцу принудительной отработке.

Требования о досрочной сдаче сельхозпродукции в счет будущих урожаев стали нормой. Горком, райком парии и райисполком обязали руководителей колхозов и совхозов закончить хлебопоставки 1941 года к 12–13 ноября и начать сдачу хлеба в счет поставок 1942 года. Досрочные поставки означали сокращение объемов натуральной платы колхозникам по трудодням, а также вынужденное изымание запасов страховых и семенных фондов колхозов. В сущности, эти мероприятия закладывали основу голода, терзавшего деревенских жителей на протяжении всех военных лет. 7 января 1942 года на 3-й сессии райсовета секретарь РК ВКП(б) Бобров, призывая к освоению в предстоящем году 600 га новых пахотных угодий, вынужден был признать, что *«некоторые колхозы не имеют семян (для посевной – Н.П.) даже для имеющейся площади, надеясь, что семена будут»*.

В результате мобилизации мужского населения деревень в армию, оттока значительной части женского и подросткового населения в город колхозы, и без того испытывающие дефицит рабочей силы, стали задыхаться от недостатка рабочих рук. На поля и фермы мобилизовались сельчане пенсионного возраста. Обязательная норма трудодней возлагалась на подростков.

Огромный вклад в оказание помощи колхозам внесли подростки. Ветеран колхоза «Мир» Н. Тяпугин вспоминал: подростки колхоза «Ударник» возили зерно из Киселей и Усть-Серебряной на полубарках по реке Чусовой до Кыновского завода. Там разгружались и возвращались обратно. К баркам подпрягали лошадей и берегом тащили их вверх против течения. Упершись в скалу, переплывали на противоположный берег и снова продолжали движение вверх.

В первые дни войны на поля колхоза «Заря» вышли 56 учащихся школы № 3, колхоза «17-й съезд ВКП(б)» – 33 учащихся школы № 1, колхоза им. Ворошилова – 20 человек из школы № 2, колхоза «Путь Ленина» – 40 учащихся школы № 16, в совхоз «Заимский» – 80 человек из школы № 15 и т. д. В общей сложности в течение первого военного полугодия на колхозных и совхозных полях отработали более 2 тыс. школьников. За труд на колхозных полях учащиеся Матвеевской школы заработали 2 тыс. трудодней. Дети занимались прополкой овощей, заготовкой сена и веточного корма.

Организованное участие подростков в трудовой деятельности было учтено, и в 1942 году Наркомпрос издал приказ по обучению учащихся 7-8-х классов основам сельскохозяйственного труда, в том числе работе на тракторах и комбайнах. Зимой 1941–1942 года во всех сельских школах района работали инструктивные курсы учащихся под руководством местных агрономов, зоотехников, ветфельдшеров, бригадиров тракторных бригад.

Подростки и комсомольская молодежь явились инициаторами сбора средств на строительства танка «Лысьвенский комсомолец». На 30 декабря 1941 года удалось собрать по городу – 2218838 руб., по району – 78435 руб. Из них на строительство танка «Лысьвенский комсомолец» по городу

243295 руб., по району – 8212 руб.; на самолет: по городу – 28740 руб., по району – 402 руб.

Под руководством комсомольских организаций молодые селяне собирали лом черных и цветных металлов, инструменты и запчасти к тракторам, аптечную посуду и лекарственные травы.

Значительными источниками денежных поступлений в фонд обороны были государственные займы. На первый военный заем 1941 года в колхозе «Заря» подписались 96 человек на сумму 3065 руб., наличными внесено 790 руб. Деньги «на оборону» сдавали кто сколько мог: от 3–5 до 300–400 и более рублей.

Жизнь колхозов все больше уподоблялась военному лагерю. 26 сентября 1941 года райисполком принял постановление «О введении трудовой повинности на территории Лысьвенского района для уборки всех сельскохозяйственных культур урожая 1941 года». Особо подчеркивалось, что повинность распространяется *«в том числе для учащихся обоего пола»*. За отказ от работы грозило наказание по статье 61 УК РСФСР¹.

Всякий отказ от работы жестко пресекался. За невыполнение порученной работы колхозниц Крутоложского сельсовета из колхоза «1-е Мая» Кузнецову и Мотову суд приговорил к тюремному заключению: первую – к 1,5, вторую – к 2 годам. За халатное отношение к уборке урожая бригадир Запольских приговорен к 1 году принудительных работ.

В добровольно-принудительном порядке колхозники сдавали сушеные овощи. Расчет был таков: по картошке 1 к 8,

¹ Аналогичное постановление принял Лысьвенский горисполком «О введении трудовой и гужевой повинности» от 22 сентября 1941 года. На основании этого постановления уже по распоряжению администрации металлургического завода все граждане, проживающие в городе и пригороде, обязывались отработать на строительстве заводских объектов. 8 октября горисполком принял решение разрешить начальнику милиции привлекать граждан, отказывающихся выполнять трудовую повинность, к наказанию штрафом в 100 руб., месяцем принудительных работ или привлечь к уголовной ответственности по статье 59 УК РСФСР.

по моркови 1 к 10, по капусте 1 к 12 и т.д. Обычно ночами, после работы, колхозницы занимались сушкой овощей в русских печах. Недосушенные овощи такие, как: свекла, морковь, ка- лега под названием «паренки» использовали на еду, а пере- сушенную морковь для заварки чая.

На таких же добровольно-принудительных условиях в личные хозяйства колхозников, железнодорожных рабочих, учителей передавались поросята и телята из артельных ферм для откорма с последующим возвращением молодняка в фонд обороны. Эта новация получила настолько большое распро- странение, что своим постановлением от 21 марта 1942 года Молотовский исполком обязал колхозников Лысьвенского рай- она на своих подворьях вырастить к 1 января 1943 года 1100 телят и 1300 овец.

Самый трудный военный год

Первая военная зима показала, насколько ослабла и без того некрепкая экономика колхозов из-за катастрофической нехватки рабочих рук и все увеличивающихся объемов госза- казов на мясо, молоко, овощи, зерно.

Надежда на помощь со стороны МТС не оправдалась. Не хватало опытных механизаторов и запчастей к тракто- рам. Ремесленники и учащиеся школ ФЗО собрали на за- водском шихтарнике 2067 инструментов и запчастей, но большинство из них нуждалось в капитальном ремонте или серьезном восстановлении, поэтому отправилось на пере- плавку в мартен.

Запчасти к тракторам намеревались изготавливать ку- старным способом в Кын-заводе. При детском доме сельсовет организовал небольшую мастерскую под руководством ли- тейщика Чебыкина. В качестве первого опыта ребята изгото- вили 150 шестерен для косилок и жнеек, головки к косилкам, втулки для телег и др.

Руководство машинотракторной станции в очередной раз попыталось организовывать курсы подготовки 50 машини- стов уборочных машин и 60 трактористов, но председатели

колхозов посылали учиться в основном малограмотных женщин или юных девушек, которые с трудом постигали азы тракторождения, будучи не в состоянии провести даже самый элементарный ремонт техники.

15 марта 1942 года городская газета «Искра» писала о результатах проверки 12 тракторов саинской бригады Матвеевского сельсовета: *«При наружном осмотре с частичной разборкой трактора № 30 обнаружены следующие недостатки: внутри двигателя грязь и нагар, сердцевина радиатора дает течь... радиатор не проверен и детали в нем не очищены от грязи, клапаны не притерты, слабое крепление открылок, шпор, не отремонтирована динамо-машина; у тракторов № 17, 33, 43 имеется течь радиатора. Только 3 трактора после осмотра получили оценку «хорошо».*

Все виды сельскохозяйственных работ выполняли женщины и подростки. В колхозе им. Орджоникидзе из 36 человек, работающих на севе, трудилась 21 женщина. Даже севачем, должность, которую по традиции поручали опытным и самым уважаемым крестьянам, назначили юную О. Подобину. В колхозе «Большевик» на пахоте работал 15-летний А. Голышев и 17-летние А. Гусельников и К. Дудин, в колхозе «12 лет Октября» – 17-летний М. Шестаков. В колхозе им. Ворошилова трактористки Суханцева и А. Оборина выполняли дневную норму на вспашке по 230–270%. Колхозницы артели им. «1-го Мая» Анфиса Елохова и Агриппина Елохова вспахивали на лошадях по 54–56 соток. На уборке урожая 1942 года комбайнерка колхоза «Колос» Важесова вместо 120 га по плану обрабатывала до 200 га, а Мальцева из колхоза им. Ворошилова – до 400 га. В том же колхозе им. Ворошилова из-за неподготовленности 9 колхозных жаток хлеб убирали серпами 20 женщин.

Город как мог помогал колхозам. В соответствии с постановлением горсовета с 15 июня до конца уборки урожая на сельхозработы в колхозы и МТС были мобилизованы все трудоспособные жители района за исключением лиц, занятых на военном производстве. В колхозы выехали все учащиеся 6–10 классов общеобразовательных школ.

Птичница Г. Колодина

Для поддержания трудового энтузиазма колхозников 25 августа 1942 года вышел первый номер газеты «Колхозная правда» – печатный орган районного комитета ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. Перед газетой стояла задача – освещать жизнь колхозов и колхозников Лысьвенского сельскохозяйственного района. Исполняющей обязанности главного редактора назначили бывшую сотрудницу сельхозотдела городской газеты «Искра» М. Чупину¹.

Летом 1942 года в деревнях начался голод. Запасы хлеба, полученные по итогам работы в 1941 году, закончились. Сказались результаты досрочных госпоставок, когда из закрытых были вычищены не только колхозные, но и личные запасы продовольствия. Не подняли трудовой энтузиазм колхозников обязательные нормы сдачи государству мяса на 1942 год. В соответствии с ними, колхозы Лысьвенского района должны сдавать по 4,0 кг мяса с 1 га, колхозники по 40 кг, единоличники по 80 кг живого веса с каждого двора.

Доведенные до отчаяния, в ряде артелей колхозники начали требовать выдачу аванса в счет будущих расчетов по трудодням. В противном случае люди грозились не выходить на работу. Председатели, которые все, что могли, отправляли на госпоставки, вынуждены были прислушаться к требованиям своих работников. Председатель колхоза им. Кагановича первым в районе выдал аванс в размере 700 граммов муки на 1 трудодень. Его примеру последовали руководители других артелей.

Ответная реакция власти была незамедлительной и жесткой. Райисполком специальным постановлением запретил любое авансирование и пригрозил суровым наказанием всех ослушников. Разрешалось использовать продукты только

¹ К сожалению, не удалось найти ни одного экземпляра газеты ни в городском архиве, ни в муниципальном музее.

для организации общественного питания, в детских яслях, для эвакуированных, мобилизованных горожан на сельскохозяйственные работы, трактористов и колхозников, работающих в поле. Некоторые находчивые председатели подводили под это распоряжение колхозников и членов их семей, особо нуждающихся в продовольственной поддержке, и устраивали для них общественные полевые столовые.

За годы войны жители села забыли вкус мяса – все уходило в счет госпоставок. Если кто-то и имел корову, то на нее только что не молились. Она являлась единственной кормилицей семьи, особенно, если в доме были маленькие дети. Их судьба была особенно трагична. Много воспоминаний «детей войны» собрали краеведы Моховлянской школы. А. Я. Сапалева вспоминала: *«В школе я училась в Елохах два класса, а в 3 и 4 класс ходила в Крутой Лог за 5 км. Мерзли. Ходили пешком в любую погоду, в мороз, в дождь. Одни штаны на двоих с сестрой носили. Она идет минут 10, потом снимает и отдает мне. Я одеваю, чтобы совсем не замерзнуть. Валенки тоже не было, так и забросила учебу. Не замерзает же совсем».*

Сохранилось множество примеров, когда от голода дети падали в обморок прямо на уроках. Даже тогда, когда они работали на колхозных полях и фермах, нельзя было съесть ни морковки, ни кусочка жмыха. Классическим в этом смысле стал так называемый «закон о пяти колосках», когда в тюрьму бросали за горсть зерна. Родители исхитрялись во время посева ячменя или овса погуще засеивать горохом окраины полей в расчете, что на них подкормятся дети.

Каждый колхозник стремился зарабатывать как можно больше трудодней. К этому стремились не только взрослые, но дети и нетрудоспособные жители деревень.

На примере восьми произвольно взятых колхозов можно проследить трудовой вклад каждой возрастной группы колхозников в зарабатывание трудодней:

Наименование Колхозов	Зара- бот. тр. дни муж- чин	Зара- бот. тр. дни жен- щин	Зара- бот. тр. дни нетру- досп.	Зара- бот. тр. дни детей
Им. Горького (Крутоложский с/с, Б. Кумыш)	3851	9354	1174	1709
«Новина» (Власовский с/с, Власово)	1100	9382	3464	974
Им. Сталина (Кыновской с/с, 3-д Кын)	2769	14605	958	5511
Им. Кагановича (2-й Ломовский с/с, Петровичи)	258	4560	3583	980
«Уралец» (Крутоложский с/с, Вынырок)	3680	8035	4504	1132
«Победа» (Власовский с/с, Северная)	875	13719	4305	3458
«Новая жизнь» (Залеснинский с/с, Моховляна)	9874	17739	4157	2321
«Труд крестьянина» (Залеснинский с/с, Залесная)	1038	21330	5256	2096

Обращает на себя внимание то, что количество заработанных трудодней не соответствовало количеству трудодней, предназначенных к распределению в качестве оплаты труда в конце года. Дело в том, что величина (количество) «распределительных» трудодней просчитывались с учетом всевозможных вычетов в виде колхозных ссуд, штрафов, госпоставок, страховок и т.д.

Таким образом, количество натуральных продуктов, получаемых каждым отдельно взятым колхозником, зависело от количества заработанных трудодней. Например, в 1944 году в колхозе «1 Мая» количество заработанных трудодней отражено в документах следующим образом:

Количество трудодней	Количество колхозников
До 50 т/д получили	15 чел.
Больше 50 т/д	7 чел.
Больше 100 т/д	5 чел.
Больше 200 т/д	15 чел.
Больше 300 т/д	21 чел.
Больше 400 т/д	13 чел.
Не выполнили норму	4 чел.

На один заработанный трудодень в 1943–1944 годах полагалось от 700 до 800 граммов зерна. Не трудно подсчитать, сколько зерна заработал каждый колхозник «1-го Мая» по итогам 1944 года.

Полученное зерно мололи в муку, и этим жили целый год. Из каждого килограмма предназначенного на помол зерна получалось около 700 граммов муки.

Никто и никогда не подсчитывал, сколько мяса, молока, хлеба сдали лысьвенские колхозы и совхозы государству в годы войны. Практически отдавали все, что производили. Рассчитывать на достойную «плату» за труд не приходилось. Немногие здоровые мужчины, оставшиеся в деревне, при самом добросовестном отношении к работе по 10–14 часов в день могли заработать 400 трудодней за год. За счет «распределительных» трудодней нередко выдавали всего по 300–400 граммов муки, что соответствовало 3 мешкам бесценной еды на целый год.

Несколько лет назад автор получил письмо от бывшего жителя колхоза им. «1-го Мая» И. И. Мазунина, в годы войны подростка. Он писал: *«Наша семья, как и каждая семья в селе, имела корову, овец, кур, иногда коз и поросенка. Но выращенная дома скотина, произведенное молоко, мясо, яйца, шерсть не являлись полностью собственностью крестьянина. Значительную часть всего этого нужно было почти бесплатно отдать государству. Два соседа, вырастившие летом по теленку, одного сдавали в Кормовище государству на мясо, а второго к зиме закалывали и делили пополам. Вместо молока удобнее было сдавать масло. Для этого молоко носили пропускать через сепаратор, чтобы получить сметану и сдать масло. Детям приходилось вместо*

молока пить обрат. На всю улицу был один сепаратор. Хозяину сепаратора надо было отдать каждый десятый удой за использование этого сепаратора. В этот день в семье не было ни молока, ни обрат.

Основным спасение людей от голода была картошка... Чтобы обеспечить картошкой большую семью на весь год, садили ее много: до 20 соток и накапывали до 500-600 ведер. Летом для деревенских детей большим подспорьем был «подножный корм». Как только на полях растаивал снег, и они подсыхали, появлялась растительность. Мы выходили на поиски сначала «пистиков», а затем «гоньшей». В земле росли небольшие белые корни в виде маленькой луковички. Они нам казались вкусными. Трава этих растений немного походила на морковную ботву. Обтерев от земли выдернутые «гоньши», мы ели в большом количестве. Затем поспевала кисленка, ретюга, пиканы, «еловые ягоды», ягоды шиповника, болотный лук, который собирали буквально охалками. С начала июля начинала поспевать земляника, затем черемуха, малина, рябина, грибы сыроежки, головки красного и белого клевера, репа и калега со своего огорода, горох с колхозного поля. Зимой ходили на лыжах по снегу и ели мороженые ягоды черемухи и рябины. Но не всегда находилось время заниматься поисками «подножного корма». К посильной работе дети привлекались с раннего возраста. Полоть картошку выходила вся детвора в возрасте от 5–6 лет. Все участвовали в копке картошки, сортировке и сбору в ведра. С такого же возраста нужно было каждый день, как на работу, ходить на сбор земляники, затем за малиной».

В подтверждение слов ветерана о картошке-кормилице удалось найти «Список хозяйств колхозников колхоза «Красный Октябрь, которым доведен план сева картофеля на 1942 год с учетом фактического посева» от 10 июля 1942 года за подписью председателя Поселкового Совета Губина и агронома по поставкам (подпись не разборчива). В соответствии с планом, жители д. Мыльниковка должны были засадить картошкой 405 соток (количество соток зависело от числа членов семьи), но фактически засадили 491,21 соток. План

поставок не учитывал, что в 1942 году на фронт ушла третья часть мужчин.

Картошка была единственной едой и лакомством. Г. Сбитнева вспоминала о жизни в Мыльниковке: *«Электричества на хуторе не было. Изба освещалась керосиновой лампой. В доме помимо русской печи была железная «буржуйка». В долгие зимние вечера отблески пламени плясали по стенам избы, завораживая. На печке мы пекли разрезанную на кругляши сырую картошку, посыпанную солью. Получались вкусные ароматные поджаристые печёнки...»*.

Досрочные сдачи мяса государству, когда скот, в том числе и репродуктивное поголовье, забивали летом, поставили общественное поголовье на грань катастрофы. Проблему усугубляла хроническая нехватка кормов в стойловый период.

Как всегда, советские чиновники решали проблему росчерком пера. 21 марта 1942 года Молотовский облисполком принял постановление о развитии областного животноводства. К 1 января 1943 года колхозы лысьвенского района должны иметь 5500 коров, 2160 лошадей, 4550 овец, 2700 свиней, в т.ч., 450 свиноматок, 50 рабочих волов, 1800 кроликов, 10100 голов птицы, 1220 пчелосемей, добиться удой на 1 фуражную корову 1400 л, заготовить 27723 т грубых и 12356 т сочных кормов. Помимо этого, колхозники должны откормить на своих дворах 1100 телят и 1300 овец. Колхозы обязывались закупить для ферм 500 телят и 500 овец. Цифры являлись непомерными даже для мирного времени.

Трудно сказать, из каких соображений исходили сельские коммунисты, когда на июньском 1942 года районном партсобрании они обязались дополнительно к областным цифрам добавить свои: увеличить поголовье КРС еще на 140 голов, лошадей – на 20, свиней – на 300, овец – на 450, птицы – на 400, кроликов – на 200, пчелосемей – на 180 и молока на 50 л на 1 фуражную корову.

Содержание общественного скота, в том числе и лошадей, являлось для лысьвенских колхозов проблемой еще с довоенных времен. Вопреки требованию властей увеличивать поголовье крупного рогатого скота, оно сокращалось. Особенно

существенным был весенний отход молодняка, падали удои молока, не выполнялись госпоставки по шерсти, овчинам.

Для изменения ситуации власть в очередной раз встала на путь жесткого контроля. 13 ноября 1942 года ЦСУ госплана СССР издал приказ № 457 установить (пересчитать – Н.П.) численность скота на 1 января 1943 года по всем колхозам, совхозам, подсобным хозяйствам, хозяйствам единоличников, рабочих, служащих, проживающих во всех без исключения местах сельсоветов вне зависимости от их величины и характера: селах, хуторах, лесных сторожках, железнодорожных станциях, разъездах, будках и т.п.

Не от небрежения и безответственности колхозников болели и гибли животные. Человеческих сил не хватало, чтобы проделать тот огромный объем работы, который надлежало исполнять каждому колхозу. Как приговор звучал приказ райземотдела от 2 декабря 1943 года: *«В колхозе «Восход» (Бизевский с/с, д. Мягкий Кын – Н.П.) животноводство направлено к упадническому состоянию. Запаса кормов на фермах и конных дворах нет. Уход за скотом обезличен. Молодняк КРС поить гоняется на реку. Корма перед скармливанием скоту в нужной степени не приготавливаются. Дойные коровы теряют упитанность, удои чрезвычайно низкие. Особенно безобразно дело с содержанием свиного поголовья. Есть лошади, доведенные до истощения: эксплуатируются без нормы, отдых им не предоставляется, чистка не ведется».*

Даже в пригородных сельских хозяйствах, к работе в которых широко привлекались горожане, случались массовые падежи скота. В 1943 г. на свиноферме ОРСа ЛМЗ в Липовой от бескормицы и болезней погибло несколько десятков голов скота. В случившемся обвинили ветеринара А. М. Кожевникова. Его судили и отправили на фронт в штрафной батальон.

Если «вольных» руководителей за провинность отправляли на фронт, то колхозных руководителей из репрессированных поселков арестовывали на основании анонимки или прямого доноса. Достаточно было не дать приехавшему городскому начальнику кусок свежего мяса или килограмм масла, чтобы оказаться под арестом. Так случилось с председателем

лем рябиновской сельхозартели Т. Хорошильцевым, арестованным в январе 1943 года и погибшим в сталинских лагерях.

У рядовых представителей власти не было ни малейшей возможности реально помочь колхозникам, например, снизить размеры госпоставок, увеличить закупочные цены, направить в помощь дополнительных рабочих и т.д. Бессилие прикрывалось громкими призывами приложить все силы на разгром врага, выговорами председателям, наказаниями колхозников, бестолковыми инструкциями: *«Перед выгоном на пастбище произвести санитарную обработку скота, опилить острые концы рогов, расчистить копыта, провести предохранительные прививки и определить живой вес... Скот выгонять, когда трава достигнет 10 см».*

На совхозных полях

В годы войны на территории Лысьвенского района действовали 34 колхоза. Казалось бы, они имели возможность обеспечить если не весь город, то хотя бы рабочих металлургического завода продовольствием. В реальной действительности все, что производили местные колхозы, уходило в зачет выполнения государственных сельхозпоставок. Для увеличения объемов сельхозпродукции государственные органы приняли решение усилить контроль за деятельностью колхозов. В результате административного раздела района на горисполком и райисполком городу и заводу пришлось самим решать продовольственную проблему.

В течение первого года войны снабжением рабочих столовых занимался отдел рабочего снабжения (ОРС) за счет госпоставок и частных закупок продовольствия у колхозов и населения. Однако в 1942 году объемы госснабжения сократились настолько, что кормить рабочих стало нечем. В рабочих столовых в качестве супа подавали отвары из крапивы, вареные и соленые «пиканы», а талон «мясо» в продуктовых карточках вырезали, когда в супе присутствовали грибы. Кстати, грибы в организованном порядке заготавливали школьники. Например, в июле 1942 года учащиеся школы № 15 не-

сколько дней жили на станции Унь, в окрестных лесах которой собрали 1182 кг грибов. «Грибные» кампании школьников проходили в течение каждого военного лета. В планы 1944 года ОРС заложил заготовку 40 т пищевой зелени, 60 т грибов, 5 т рыбы из местных водоемов, 6 т зеркального карпа и т.п.

Обеспечение продовольствием жителей города и рабочих завода всегда было серьезной проблемой исполкома и заводской администрации. В годы социалистического строительства сложился универсальный принцип самообеспечения, когда рабочие завода своими силами строили жилье, заготавливали топливо, занимались реконструкцией завода и т.д. Этот же принцип действовал на продовольственном направлении.

Для обеспечения города и завода продовольствием использовались пригородные территории, на которых располагались небольшие сельскохозяйственные артели. В 1937 г. на базе двух пригородных деревень Липовая 1-я и Липовая-2-я был создан овощеводческий совхоз металлургического завода «Липовский», ставший своеобразным заводским цехом. На полевые работы и фермы привлекались заводские рабочие, завод завозил на поля удобрения, обеспечивал тракторный парк запчастями и ремонтом (по неподтвержденным данным Зарекой располагалась МТС – Н.П.), помогал стройматериалами.

Голодная зима 1941–42 года заставила руководство металлургического завода пересмотреть взаимоотношения с «Липовским» и другим рядом расположенным совхозом «Заимским». К этому времени совхозы имели в своем распоряжении 3879 га земли, в том числе 2305 га пашни, около 1700 га выгонов, 16 га садов.

1 марта 1942 г. было принято решение передать совхозы «Липовский», переименованный в «Лысьвенский», и «Заимский», с базой в пригородной деревне Заимка, в распоряжение отдела рабочего снабжения металлургического завода (ОРС ЛМЗ). На базе обоих совхозов организовались 7 производственных участков: 2 – в «Лысьвенском» и 5 – в «Заимском». За каждым участком закрепили специализированное направление деятельности, что позволило централизованно снабжать заводские столовые мясом (говядина, свинина, баранина), мо-

локом и овощами (картофель, капуста, репа, брюква, огурцы, помидоры). ОРС обслуживал 32 магазина, имел 2 квашпункта, склады, конный двор и др. К работе на полях и фермах широко привлекались рабочие завода после окончания ими основной смены. В уборочную страду на полях обоих совхозов работало до 1 тыс. человек ежедневно. Работа была обязательной и не оплачивалась, поэтому малоэффективной. Например, осенью 1943 года рабочие мартена вместо 23 га убрали капусту с 9 га, не выполнили планов по уборке брюквы рабочие сутуночного цеха, помидоров – сшивной посуды и т.д.

Чтобы сократить сроки уборки, повысить её качество и иметь наименьшие потери при сборе урожая, руководство ОРСа приступило к заключению трудовых договоров на уборку картофеля и овощей с условием, что 10% собранных и сданных в хранилище овощей используются в качестве платы.

Доходы от реализации продукции по итогам 1942 г. составили: по полеводству – 1042 тыс. руб.; по овощеводству (открытый грунт) – 533 тыс. руб., (закрытый грунт) – 359 тыс. руб.; по садоводству – 63 тыс. руб.; животноводству – 892 руб.; прочие (пчеловодство, птицеводство, рыболовство) – 143 тыс. руб. Убыточными были животноводство – 1179 тыс. руб. и полеводство – 524 тыс. руб.

Опыт первой военной страды, приобретенный на совхозных полях, выявил те же проблемы, что и в колхозах района: нехватку рабочих рук, мизер механизации, недостаток удобрений и семян, отсутствие специалистов. В связи с недостатком семенного картофеля в декабре 1942 года липовские овощеводы произвели срезку верхушек клубней картофеля по так называемому методу академика Лысенко. Таким образом, были заготовлены несколько десятков центнеров семенного материала под урожай 1943 года. Однако «метод Лысенко» оказался очень хлопотным при хранении срезанных частей клубней и их подготовке к посадке, поэтому не нашел широкого применения.

В летнее время увеличились темпы заготовки грибов. К бригадам школьников добавились артели, сформированные из пенсионеров и домохозяек. Свои бригады создавали цехо-

вые коллективы. На один-два месяца грибы становились одним из основных рационов заводских столовых.

Медики активно пропагандировали потребление зелени в виде салатов из крапивы, листьев одуванчика, щавеля, ботвы моркови, свеклы, свежих листьев капусты: объясняли способы изготовления пихтовых отваров. Работники аптек и заготовительных организаций призывали собирать валерьяновый корень, душицу, зверобой, мать-мачеху и др.

На 1943 год начальник сельхозучастка ОРСа Филимонов обозначил заведомо невыполнимый план получить в обоих совхозах не менее 3200 т картофеля и 2700 т овощей. По результатам года удалось реализовать 99,38 ц (Липовая) и 151,2 ц (Заимка) говядины; 52,1 ц (Липовая) и 118,5 ц (Заимка) свинины; 8,1 ц баранины (Заимка). Что касалось молока, то в среднем удой на 1 фуражную корову составлял 1021 л при средней себестоимости 113 руб. за 1 литр. Доходы от пчеловодства составили 60 тыс. руб., птицеводства – 15 тыс. руб., рыбоводства (Заимка) – 48 тыс. руб. В целом по ОРСу план по зерновым культурам (рожь, ячмень, овес) выполнили на 98%, по овощам – на 79% – сказалось отсутствие семян моркови, свеклы, турнепса и т.п.

На 1 января 1944 г. в «Лысьвенском» имелись 551 голова КРС, 172 дойные коровы, 15 нетелей, 155 свиней, 25 лошадей. Совхоз «Заимский» продолжал культивировать птицеводство и рыбоводство, хотя экономическая отдача от этих видов деятельности была невысока; например, доход от птицеводства не превышал 15,5 тыс. руб. в год.

Горисполком и администрация завода № 700 настаивали на расширении посевных площадей. В 1943 г. ОРС затратил на раскорчевку 62037 руб. Это мероприятие оказалось в высшей степени расходным, но в 1944 г. поступило новое задание – подготовить под пашню, например, «Лысьвенскому» совхозу дополнительно 127 га. Проблема заключалась не столько в текущих финансовых затратах, сколько в длительных сроках их окупаемости.

Для раскорчевки и очистки полей от лесного мусора не хватало тяглового транспорта. В обоих совхозах имелось всего 99 лошадей, из которых молодняк составлял 29 голов. Это

была порода русских рысистый лошадей, которая быстро изнашивалась и не подходила для тяжелого крестьянского труда. Землю не на чем было возделывать.

К 1943–1944 годам в совхозах ОРСа сформировался штат постоянных работников в количестве 352 рабочих, 11 ИТР, 15,5 служащих, 21 МОП. Поскольку совхозные работники относились к категории рабочих, зарплату они получали деньгами в размере от 520 до 546 руб.

Имелась еще одна категория работников – это сезонные сельхозработчие. Их было 107 человек. Они тоже получали зарплату около 400 руб. в месяц. Насколько велика была зарплата совхозных рабочих, можно судить по рыночным ценам, где 1 кг хлеба стоил от 200 – до 400 руб., 1 л молока от 100 до 150 руб., котелок картошки от 120 до 130 руб.

Принудительные сверхурочные бесплатные отработки рабочих завода на полях совхозов не прекращались. По-прежнему заводчане трудились в тепличном хозяйстве, на прополке, заготовке сена и т.п.

В течение всей войны продолжались мобилизации колхозников в промышленность, в том числе на сельхозработы. Руководство цехов, в которых не хватало рабочих, часто злоупотребляло своими полномочиями. Председатели колхозов вынуждены были писать письма руководителям города и завода с просьбой отпустить с производства колхозников, мобилизованных по разрядке на определенный срок. В ответах заводские начальники писали, что указанные лица нужны для выполнения срочных военных заказов, а председателям предлагалось поспособствовать переводу членов семей задержанных на производстве крестьян в город.

Движение населения из деревни в город и из города в деревню было отнюдь не обоюдно выгодным. Из сельсоветов в исполком шли жалобы на плохую работу заводских выдвиженцев, направленных на укрепление дисциплины, организацию соцсоревнования, для осуществления контроля за работой колхозов. По словам председателей колхозов, выдвиженцы пьянствовали, бездельничали, не занимались хозяйственными делами.

*Доярка колхоза
«Новый путь»
Г. Попкова*

После Сталинграда и Курска война пошла на вторую половину. В совхозах сельскохозяйственный год закончился сдачей на склады 360,1 т картофеля, 2,1 т капусты, 230 кг огурцов, 205 кг помидоров, 960 кг тепличных овощей. Реальные результаты работы оказались далеки от планов начальника сельхозучастка ОРСа Филимонова.

Трудным для сельского хозяйства оказался 1944 год. Осенью вымерзли озимые на площади 65,8 га, а весна 1945 г. сопровождалась крепкими заморозками и дождями. От повреждения земляной блошкой погибли корнеплоды на площади 7 га. Вымокли от дождей 2,75 огурцов, 4,97 га брюквы, 3 га репы. От пневмонии и желудочных заболеваний пало много скота.

В год великой Победы валовый сбор ржи в совхозах составил 109,53 ц (Липовая) и 191 ц (Заимка), ячменя 862 ц (Липовая) и 147 ц (Заимка), овса 1624,5 ц (Липовая) и 3677 ц (Заимка). Увеличился штат работников. На 1 января 1946 г. в общей сложности в ОРСе работало 1096 чел., в том числе 534 женщины. В этом году из земельного оборота Заимки было изъято 7 га под строительство мясокомбината, 4 га молокозавода, 3 га на расширение местных дорог.

ОРС финансировался за счет прибыли от продажи сельхозпродукции, от выбраковки животных основного стада, амортизации отчислений по рабочему скоту и т.д. Бюджетных средств организация не получала.

Немалым бременем для ОРСа было обеспечение продуктами питания военнопленных немцев и венгров, работавших на заводе. По свидетельству очевидцев, снабжение продуктами пленных было даже лучше, чем собственных рабочих. При этом ОРС часто должен был кормить военнопленных в долг, т.к. оплата за продовольствие задерживалась, поскольку управление лагеря находилось в Краснокамске. Кредиторская

задолженность по лагерю военнопленных за 1945 г. составляла 46 тыс. руб.

Широкое развитие в годы войны получили подсобные сельские хозяйства предприятий и учреждений, этакие маленькие «колхозы», имевшие 10–20 га земли и по 2–3 лошади. Подобные хозяйства имели больницы, хлебозавод, молокозавод, городской отдел народного образования.

Самым большим подсобным хозяйством располагал трест «Севуралтяжстрой». В его распоряжении имелись значительные земельные угодья в районе реки Большая Запорная, скотный двор, свинарник, конюшня, кузница, предполагалось построить плотину на реке с целью производства рыбы.

Понимание того, что совхозы и подсобные хозяйства не смогут прокормить город, заставило руководство горисполкома обратиться к опыту 1920-х годов, когда широкое применение имело коллективное и индивидуальное огородничество. На второй год войны количество индивидуальных огородов в Лысьве увеличилось в 2,5 раза. Индивидуальные участки нарезались рядом с городом или прямо в городской черте на пустырях и улицах. При этом горисполком требовал от горкомхоза, чтобы участки с целью учета были «остолблены», т.е. по углам площади обозначены деревянными колышками с надписью фамилии владельца и места работы.

25 февраля 1943 года председатель горисполкома М. Пьянков заявил на совещании партактива, что в текущем году каждому предприятию и учреждению нужно создавать собственную продовольственную базу, подготовить семена, инструмент, тягло, готовить людей. Торговые организации приступили к заготовке и продаже тысяч лопат, грабель, окучников, леек. Так начала складываться система подсобных сельских хозяйств у предприятий, просуществовавшая до 1990-х годов.

Понимание важности индивидуального самообеспечения продуктами питания пришло и от верховной власти. Весной 1944 года СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества в 1944 году». Постановление узаконило практику существования индивидуальных огородов го-

рожанами. При завкоме профсоюза металлургического завода появился совет, который от имени огородников сделал заявку ОРСу на заготовку 10000 лопат, 9000 грабель, 8000 окучников, 2000 плугов «планета». Совхозам было заказано подготовить 200000 корней рассады капусты, брюквы, томатов, колхозам – 140 т семенного картофеля. С горисполкомом совет огородников договорился о выделении земли под огороды в районе кирпичных сараев, речки Травянки, на Катаевом угоре.

По данным горисполкома, к весне 1945 года официально было зарегистрировано 16148 огородников, а их огороды занимали площадь 1200 га¹. Количество овощей, собираемых с огородов, оценивалось более чем в 54000 т.

Несколько десятилетий лысьвенцы оказывали шефскую помощь колхозам и МТС Березовского района. Не исключением были и годы войны. Весной 1945 года, 24 февраля и 11 марта, в знак благодарности березовские колхозники послали в Лысьву два обоза из 180 подвод с продовольствием, собранным из личных подворий колхозников. В общей сложности они передали на склады ОРСа 12430 кг мяса, 15318 кг картофеля, десятки тонн различных овощей.

¹ Некоторые источники указывают площадь индивидуальных огородов 1125 га.

